

РУКОВОДСТВО Д Л Я СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы. Иоан. 10, 11.

Внимай себя и учению: и пребывай въ нихъ: сія бо творя, и самъ спасешия и послушающіи тебе. 1 Тим. 4, 16.

№ 13.

1860.

Мая 24-го.

Содержаніе: Вопросы іерейской совѣсти. — Поученіе противъ тѣхъ, которые ходятъ къ расколуучителямъ. — Вдова сельскаго священника. — Извѣстіе.

ВОПРОСЫ ІЕРЕЙСКОЙ СОВѢСТИ.

II.

Жизнь священника должна быть чиста и неукоризненна. Но этого мало для іерея; ибо чистота и неукоризненность жизни требуются и отъ всякаго христіанина, и не спасутъ того, кто, будучи поставленъ пастыремъ душъ, небрежетъ о своей должности. И такъ, служитель Божій, осмотрись, *добрый ли ты пастырь*, который полагаетъ душу за овцы своя, а не *наемникъ*, не хищникъ, не одинъ изъ тѣхъ, которые только себя пасли, а стадъ не пасли. Изслѣдуй внимательно, ревнуешь ли отъ всего сердца о благѣ и спасеніи твоихъ овецъ, пасешь ли ихъ: 1) наставляя словомъ Божиимъ, 2) правильно преподавая св. таинства, и 3) вѣрно исполняя прочія пастырскія обязан-

ности. Не скользи поверхностною мыслию по этимъ предметамъ. Ибо, къ сожалѣнiю, должно сказать, есть пастыри, которые свою пастырскую должность проходятъ нерадивы и безъ вниманiя, которые едва ли имѣютъ живое сознанiе о высокомъ ея достоинствѣ и великой важности. Св. Иоаннъ Златоустъ не затруднялся сказать: „я не какъ нибудь необдуманно говорю, но говорю по убѣжденiю и такъ, какъ мнѣ кажется: я не утверждаю того, что многiе изъ священниковъ спасутся, напротивъ думаю, что большая часть ихъ идетъ въ погибель.“ (1)

Пѣтъ добродѣтели, которая бы столько необходима была пастырю душъ, какъ подлинная, истинная и благочинная ревность о благѣ другихъ; и однакожь какъ рѣдко встрѣчается она! „Удивительно, замѣчаетъ одинъ благочестивый мужъ, — упадетъ ослица, а тотчасъ найдется кто нибудь на помощь ей; но вотъ безсмертная душа стремится въ погибель, и никто на это не обращаетъ вниманiя, никто изъ людей не позаботится о ея спасенiи!“ Служитель Божiй! подумай внимательно, такова ли пастырская твоя ревность, какую она должна быть?

а) *Отъ сердца ли* проистекаетъ твоя ревность, или все у тебя только для виду, на показъ, чтобы только приобрести себѣ имя ревностнаго пастыря? Смущается ли твое сердце, горитъ ли оно, обливается ли кровiю, когда ты видишь, какъ много душъ самымъ плачевнымъ образомъ стремятся къ вѣчной погибели? Имѣешь ли ты сердечное соболѣзнованiе къ нимъ, подобно Спасителю, который плакалъ при видѣ города Иерусалима (Лук. 19, 41)? Скорбишь ли о нихъ, подобно великому Апостолу языковъ, который такъ свидѣтельствовалъ о себѣ: *истину глаголю о Христѣ, не лгу, по-*

(1) Бесѣд. 2-я на дѣянiя апостольскiя.

слушествоющей ми совѣсти моей Духомъ святымъ: яко скорбь ми есть велия, и не престающая бользнь сердцу моему. Молибыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей (Рим. 9, 1. 2. 3)? Молишься ли ты хотя объ обращеніи грѣшниковъ на путь истины, и, по примѣру святыхъ угодниковъ Божіихъ, смираешь ли для сей цѣли постомъ душу свою? И сподохъ, и плакахъ, и рыдахъ дни многи, и бѣхъ постяся и моляся предъ лицемъ Бога небеснаго (Неем. 1, 4). Такъ дѣлалъ Неемія, когда до него дошелъ слухъ о бѣдствіи его народа.

Чтобы возжечь въ себѣ и питать эту святую ревность, размышляешь ли ты о славѣ Божіей, о безцѣнномъ достоинствѣ безсмертной души, о строгомъ отчетѣ, который имѣешь нѣкогда воздать Богу? Размышляй чаще о сихъ и симъ подобныхъ предметахъ; и вѣрь, что никто не можетъ быть проникнуть истинною ревностію, доколѣ не будетъ мужемъ молитвы и любителемъ благоговѣйнаго размысленія.

б) Чиста ли твоя ревность, чужда ли она всякаго своекорыстія? Нѣтъ ли у тебя при этомъ видовъ на денежную прибыль, на какія нибудь отличія и награды, на суетныя похвалы,— единственно ли и исключительно ты ревнуешь о спасеніи душъ? Сатана взываетъ и къ тебѣ: „только души мнѣ дай; все прочее предоставляю тебѣ.“ Не внемлешь ли ты этому льстивому гласу древняго обольстителя?

Не зришь ли ты на лица человѣческія? Заботишься ли ты о душахъ людей бѣдныхъ и не имѣющихъ чѣмъ благодарить тебя,— заботишься ли столько, сколько о людяхъ богатыхъ и такихъ, которые за твои труды воздаютъ тебѣ благодарностію и любовію? Говоришь ли ты съ Апостоломъ: *азъ же въ сладость изждиву и изждивенъ буду по душамъ*

вашихъ: аще и излишише васъ любя, меньше любимъ есмь (2 Кор. 12, 15)?

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется твое мнѣніе, не обращаешь ли вниманія только на свою выгоду и пользу ближнихъ твоихъ, оставляя въ сторонѣ пользу церкви и отечества?

Не предпочитаешь ли ты полезному только благовидное, болѣе трудному служенію—то занятіе, которое болѣе бросается въ глаза людямъ и болѣе славится въ свѣтѣ? Искренно ли ты радуешься, если другіе священники, особенно сослужители твои, съ большимъ, чѣмъ ты, успѣхомъ подвизаются въ назиданіи и спасеніи душъ? Не скорбишь ли о томъ, что чрезъ это твоя дѣятельность поставляется какъ бы въ тѣни? Ахъ, *все своихъ си ищутъ, а не яже Христа Иисуса* (Филип. 2, 21)!

с) Ревность твоя *дѣятельна ли и пламенна*, безъ запальчивости? Дѣятельна ли? Не принадлежишь ли ты къ числу тѣхъ неблагоразумныхъ пресвитеровъ, которые ни о чемъ не заботятся, воображая, что и безъ того все идетъ какъ нельзя лучше? Не слѣпые ли это стражи? *Ослѣпоша, неразумѣша смыслити, вси пси нѣмѣи не возмогутъ лаяти, видяще сны на ложѣ, любяще дремати* (Исаи 56, 10). Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли такихъ священниковъ, которые хотя жалуются на всеобщее развращеніе нравовъ, но не двинуть сами ни рукою, ни ногою, подъ всякими предлогами уклоняются отъ духовнаго труда, предаются покою и отдыху? „Не за твое ли стадо Христосъ кровь „свою пролилъ? А ты ищешь покоя?“—Говорить къ нимъ св. Златоустъ. „Есть ли, продолжаетъ онъ, на землѣ что либо „худшее такихъ пастырей?... Мученикъ умираетъ за Хри- „ста одинъ разъ, а пастырь душъ за свое стадо умираетъ „тысячу разъ, если онъ дѣйствительно таковъ, какимъ

„долженъ быть“ (1). Если же пастырь тысячу разъ обязанъ жертвовать жизнію за свое стадо; то не болѣе ли онъ обязанъ жертвовать для него своимъ спокойствіемъ, своими удобствами, здоровьемъ, своими временными благами?..

Но не запальчива ли твоя ревность? Намѣреваясь совершить что либо доброе, не дѣйствуешь ли ты торопливо, съ страстнымъ волненіемъ духа, съ горячностію? Можетъ быть, ты умѣешь только ломать, а не преклонять? Можетъ быть, хочешь все сокрушить однимъ ударомъ? *Не въ трусь Господь* (3 Цар. 19, 11)! Вступивши на приходъ и едва осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ твоего служенія, не начинаешь ли тотчасъ уже все измѣнять, преобразовывать, не подумавши о томъ, что прежде нужно тебѣ приобрести довѣріе прихожанъ? Не такъ дѣйствуетъ премудрость! *Досязаетъ отъ конца даже до конца крѣпко, и управляетъ вся благо* (Прем. Сол. 8, 1).

d) *Благоразумна ли* твоя ревность, но, *благоразумна ли* не по понятіямъ міра, а по заповѣди Спасителя: *будьте мудри яко змѣя, и цѣли яко голубіе* (Матѣ. 10, 16)?

Есть много людей, которые *имутъ ревность Божію, но не по разуму*, какъ говоритъ Апостоль (Рим. 10, 2). Не позволяешь ли ты себѣ увлекаться иногда нескромною и опрометчивою горячностію, отъ которой часто гибнутъ самыя лучшія предпріятія? Всегда ли ты стремишься къ своей цѣли путемъ честныхъ и истинно сообразныхъ съ цѣлію средствъ, не раздражая никого и не огорчая никого, доколѣ это возможно безъ оскорбленія Бога? Принимаешь ли ты за каждое дѣло съ предварительною молитвою и по зрѣломъ обсужденіи? Уничтожая вкравшіяся злоупотребленія, въ мнимой ревности твоей не подрываешь

(1) Бесѣда на посланіе къ римлянамъ.

ли ты уваженія и къ добрымъ обычаямъ? Послушай блаженнаго Августина: относительно предметовъ, которые въ одной мѣстности такъ, въ другой иначе соблюдаются, по мнѣнію его, должно держаться слѣдующаго правила: „что не противорѣчитъ вѣрѣ и добрымъ нравамъ, напротивъ заключаетъ въ себѣ нѣчто возбуждающее къ благочестивой жизни, того не только не слѣдуетъ оуждать, если мы застаемъ гдѣ либо введеннымъ уже, или только вводимымъ, напротивъ сему еще должно содѣйствовать похвалою и подражаніемъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда бы это служило претыканіемъ для слабыхъ душъ и если бы въ этомъ отпошеніи можно было опасаться не маловажнаго вреда.“— „Что не противорѣчитъ ни вѣрѣ, ни добрымъ нравамъ,“ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „въ отношеніи къ тому должно соблюдать терпимость и даже самимъ это наблюдать изъ любви къ тѣмъ, среди которыхъ мы живемъ“ (1).

е) *Любвеобильна ли твоя ревность?* Она будетъ таковою, если ты чувствуешь въ себѣ то, что чувствовалъ ап. Павелъ, пиша къ галатамъ: *чадца мои! ими же паки болзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ* (Галат. 4, 19). Любишь ли ты этою любовію всѣхъ твоихъ прихожанъ? Понятенъ ли ты для cadaго, доступенъ ли, дружественъ ли и любезенъ всякому? Можешь ли ты сказать съ Апостоломъ: *свидѣтель ми есть Богъ, яко люблю всѣхъ васъ по милости Исусъ Христовъ* (Филип. 1, 8)? Не допускаешь ли грубаго обращенія въ отношеніи простыхъ людей, не отталкиваешь ли ихъ отъ себя своею невнимательностію къ нимъ? Съ трогательною ли любовію обращаешь слово твое и къ великимъ грѣшникамъ? Любовь добраго пастыря подобна любви доброй матери. Она даетъ

(1) Ер. 54. 118.

выговоръ, но съ кротостію; она ласкаетъ, но безъ лести, лжи и обмана; она прибѣгаетъ и къ строгости, но строгости святой; она раздражается, но сохраняя спокойствіе; она и гнѣвается, но съ глубокимъ незлобіемъ. *Рабѹ Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учителнѹ, незлобивѹ, съ кротостію наказующѹ противныя* (2 Тим. 2, 24. 25): такое правило преподаетъ Апостоль пастырю ефес. церкви. — Дѣлая прихожанину твоему необходимый выговоръ, тщательно ли ты остерегаешься всякой раздражительности; забывшись, не поднимаешь ли только много шума? Вздвѣшиваешь ли ты зрѣло, чтѣ и какъ ты хочешь сказать? При этомъ не забываешь ли, что и въ собственной твоей жизни ты не счѹмѣлъ еще укрѣпиться противъ всякихъ прельщеній? *Братіе, аще и впадетъ чловѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовнѹи исправляйтѣ такового духомъ кротости, блудый себе, да не и тѣ искушенъ будещи* (Гал. 6, 1).

Однакожь, кротость твоя не простирается ли ужъ до робости и боязливости? Пусть пламенѣетъ въ каждомъ изъ насъ любовь къ справедливости и ненависть ко всякой неправдѣ! Пусть никто не остается равнодушнымъ, видя, какъ нарушается дисциплина христіанской жизни и умножается беззаконіе; ибо молчать тамъ, гдѣ нужно и должно бы говорить, значить давать свое согласіе. А, мы знаемъ, грѣшать не только тѣ, которые творятъ грѣхъ, но и соизволяющіе творящимъ; кто же одобряетъ чужой грѣхъ, тотъ не меньшему подлежитъ наказанію, какъ и дѣйствительно согрѣшившій. И такъ, служитель Божій, обращаешь ли ты вниманіе на то, что, можетъ быть, по простой снисходительности, или по врожденной робости, ты не сдѣлалъ замѣчанія, или увѣщанія, необходимо требовавшагося твоею должностію? Не былъ ли ты лѣнивъ и медлителенъ

въ искорененіи пороковъ, уничтоженіи злыхъ обычаевъ, въ борьбѣ съ заблужденіями и ложными правилами? Не опускалъ ли ты своихъ обязанностей, боясь ненависти, поношенія и другихъ какихъ либо непріятностей; а что еще важнѣе — вмѣнялъ ли ты себѣ въ честь терпѣть гоненіе за правду?

Нѣкоторые, желая извинить свою сонливость и лѣнность въ дѣлѣ пастырскаго служенія, говорятъ: „мы хотимъ жить съ своими въ мирѣ и согласіи; миръ дороже всего; нѣтъ ничего выше мира.“ Горькій миръ, если онъ не иначе можетъ быть сохраненъ, какъ только вѣроломнымъ нарушеніемъ своего долга, безсовѣстною продажею священнѣйшихъ обязанностей! И святой Апостоль увѣщаваеъ: *со всѣми челоуьки миръ имѣйте, но тотчасъ присовокупляетъ и ограниченіе: аще возможно, еже отъ васъ* (Рим. 12, 18).

г) Твоя ревность *тверда ли и устойчива?* Не ослабѣваетъ ли духъ твой при встрѣчѣ съ препятствіями, огорченіями, трудами по видимому безуспѣшными? *Ни насаждай есть что, ни напаяй, но возвращай Богъ* (1 Кор. 3, 7); мы должны только трудиться въ дѣлѣ проповѣди, а успѣхъ ея предоставлять Богу, который самъ совершаетъ обращеніе грѣшника. И такъ, гдѣ дѣло не вдругъ дѣлается, не бросай въ отчаяніи всего, что ты началъ, и не воображай, будто нечего и думать объ исправленіи столь испорченныхъ и такъ закаменѣлыхъ сердець. *Се земледѣлецъ ждетъ честнаго плода отъ земли, долго терпѣ о немъ, дондеже придетъ дождь ранъ или позднѣ. Долготерпите убо и вы, утвердите сердца ваша* (Іак. 5, 7)!

г) Простирается ли твоя ревность на всѣхъ твоихъ духовныхъ чадъ, и употребляетъ ли всѣ возможныя сред-

ства къ ихъ исправленію и спасенію? *Разумниъ разумьвай души стада твоего, и да приставиши сердце твое къ твоимъ стадамъ* (Притч. 27, 23). Первѣе всего пастырѣ долженъ знать ввѣренныя ему овцы и изучить ихъ въ такой степени, чтобы могъ глашати ихъ по имени; тогда только онъ можетъ пасти и оберегать ихъ. А ты стараешься ли узнать, какъ живутъ принадлежащіе къ твоему приходу, какова ихъ нравственность? Обращаешь ли вниманіе, нѣтъ ли между ними лицъ, зараженныхъ расколомъ или ересію какою? Наблюдаешь ли, чтобы въ твоёмъ приходѣ не было суевѣрій, волхвованій и суетныхъ заклинаній, нашептываній и другихъ дѣйствій, несообразныхъ съ духомъ вѣры, но прикрытыхъ покровомъ таинственности? Нѣтъ ли между твоими прихожанами скудосмысленныхъ сказаній и молитвъ, въ которыхъ распространителямъ и хранителямъ ихъ обѣщается вѣчное и особенное блаженство, охраненіе отъ всякихъ общественныхъ и частныхъ бѣдствій, избавленіе отъ внезапной и мучительной смерти? Эти жалкія произведенія хитраго на малыя вещи невѣжества, а часто ханжества, только усыпляютъ грѣшниковъ и убаюкиваютъ ихъ въ грѣховномъ снѣ, уничтожая страхъ наказаній Божіихъ. Узналъ ли ты, сколько въ твоёмъ приходѣ открытыхъ грѣшниковъ, соблазнительей, лицъ живущихъ въ незаконномъ бракѣ, нарушителей брака, лихоимцевъ жестокихъ и т. п? Знаешь ли нерадящихъ о богослуженіи, нарушающихъ святость праздниковъ Господнихъ? Стараешься ли заблудшихъ возвратити на путь истины и добра? Изучилъ ли ты положеніе вдовъ, сиротъ, бѣдныхъ и всякаго рода нуждающихся въ твоёмъ приходѣ? Утѣшаешь ли, поддерживаешь ли ихъ совѣтомъ и дѣломъ; а если самъ не можешь для нихъ сдѣлать много, то сказалъ ли ты за нихъ доброе слово предъ другими? Иди къ недостаточнымъ

людямъ твоего прихода, изобрази имъ печальное состояніе бѣдныхъ, и внуши имъ, что Богъ для того и одарилъ ихъ дарами счастья, чтобы они помогали нуждающимся и бѣдствующимъ. Смотри, такъ ли ты поступалъ доселѣ, такъ ли ты намѣренъ впредь поступать?

Обнимаетъ ли твое сердце весь міръ своею любовію? Содѣйствуешь ли ты посильно благотворительнымъ учрежденіямъ отечественнымъ, какъ наприм. почечителъству о бѣдныхъ духовнаго званія; своимъ участіемъ и вліаніемъ помогаешь ли взывающимъ о помощи, бѣдствующимъ церквамъ православнаго востока; заботишься ли о вспоможеніи православнымъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ?

Сторожишь ли ты на своемъ постѣ какъ добрый пастырь, бдителенъ ли ты? Слѣдишь ли ты за овцою заблудшею, не имѣя покоя ни ночью, ни днемъ, доколѣ не обрѣтешь ее? Научаешь ли, умоляешь ли, вразумляешь ли открыто и наединѣ, неутомимо, неустрашимо? Смотри на ревностныхъ пастырей, какъ они поступали и дѣйствовали въ пастырскомъ наблюденіи за ввѣренными имъ душами; въ особенности поревнуй примѣру тѣхъ пастырей, которыхъ церковь ублажаетъ за святость жизни и пастырскую ревность. *Въстѣ, како съ вами все время быхъ, работая Господеви со всякимъ смиренномудріемъ, и многими слезами и напастями... Яко ни въ часомъ отъ полезныхъ обинухся еже сказати вамъ и научити васъ предъ людьми и по домоу... Тъмже свидѣтельствую вамъ во днешній день, яко чистъ отъ крове всѣхъ. Не обинухся бо вамъ сказати всю волю Божию... Яко три мѣта ночь и день непрестанъ уча со слезами единого кождо васъ (Дѣян. 20, 18. 19. 20. 27. 31).* Такъ говорилъ о своемъ пастырствѣ апостолъ Павелъ.

— 321 —

О еслибы каждый изъ насъ могъ по истинѣ что нибудь подобное сказать о себѣ и о своемъ служеніи церкви!

ПОУЧЕНИЕ

ПРОТИВЪ ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ХОДЯТЪ КЪ РАСКОЛО-УЧИТЕЛЯМЪ.

Братія! — Господь сказалъ: *аще кто церковь преслушаетъ, буди тебѣ, якоже язычникъ и мытарь* (Матѣ. 18, 17), то есть, кто не слушаетъ церковь, уклоняется ея, тотъ все—равно, что *язычникъ*, поклоняющійся идоламъ, и *мытарь*—самый негодный человекъ, самый великій грѣшникъ.

Между вами, знаю, братія, есть такіе, которые, нося на себѣ имя православныхъ христіанъ, не отбѣгая наружно во все отъ церкви, ѣздятъ тайно къ старикамъ—раскольникамъ (¹), отвергающимъ церковь и православнаго священства, слушать ихъ пагубные толки, и отъ нихъ думаютъ научиться спасенію. Жалко лиѣ этихъ людей, жалко потому, что они чрезъ то могутъ погубить свои души, лишиться спасенія. Если вы не ѣздили къ старикамъ—раскольникамъ, а думаете только: прошу васъ, ради Бога, не ѣздите къ нимъ, вы погубите тамъ свои души; а если про кого знаете, что онъ ѣздитъ, уговорите, что бы не ѣздить. Выслушайте, что говорятъ святые отцы объ удаляющихся церкви.— „Кто бы онъ та-

(¹) Между раскольниками есть, такъ называемые, *начетчики*, люди начитанные, болѣе другихъ знакомые съ писаніями, изъ которыхъ заимствуютъ основанія для своихъ толковъ. Обыкновенно этотъ даръ и право учить другихъ усваиваются раскольниками людямъ пожилымъ, старикамъ,

ковъ ни былъ, говорить св. Киприанъ, христіаниномъ его счесть нельзя, если не состоитъ въ Христовой церкви“ (1). „Не удайся церкви, вѣщаетъ Златоустъ, ничтоже крѣпчайше церкви. Упованіе твое — церковь, и спасеніе твое — церковь; ограда есть — церковь; аще еси внутрь, волкъ не входитъ; аще ли изыдеши вонъ, звѣремъ ядь бываеши“ (2); также въ большомъ катихизисѣ говорится: „кромѣ церкви Божія нѣсть спасенія. Якоже бо при потопѣ вси, елицы съ Ноемъ въ ковчегѣ не бяху, истопоша; тако и въ день судный вси, иже нынѣ въ церквѣ святѣй не будутъ, тіи въ езеро огненное ввержени будутъ“ (3).

Выслушайте же въ назиданіе и слѣдующую повѣсть изъ житія святыхъ подвижниковъ. —

Былъ одинъ, неизвѣстный по имени, старецъ — монахъ въ монастырѣ св. Феодосія. Онъ мало смыслилъ о вѣрѣ и, часто выходя изъ келліи, гдѣ кого услышитъ, египтянъ ли, армянъ ли, или другихъ иновѣрныхъ еретиковъ, поющими, входилъ къ нимъ и стоялъ до конца пѣнія, слушая. Однажды, явившись ему ангелъ Божій, сказалъ: „откройся мнѣ старецъ, если ты умрешь, какъ желаешь быть похороненнымъ, египетски — ли, армянски — еретически, или іерусалимски, то есть, по православному“? Старецъ сказалъ: „не знаю.“ Тогда ангелъ сказалъ: „подумай объ этомъ, я приду къ тебѣ чрезъ три недѣли и тогда скажи мнѣ.“ Старецъ, по удаленіи ангела, пошелъ къ одному разсудливому монаху и передалъ ему слова ангеловы. Монахъ, выслушавъ его и посмотрѣвъ на него долгое время, сказалъ: „развѣ ты ходишь слушать ученія иновѣрныхъ“? „Хожу“, — отвѣчалъ старецъ. „Гдѣ услышу поющихъ или

(1) О Новаціан. посл. 5. кн. 4.

(2) Маргар. слово 40: *о еже предста Царица.*

(3) Гл. 25. лист. 121. 122.

читающихъ армянъ, египтянъ, вхожу къ нимъ и слушаю ихъ.“ Тогда монахъ сказалъ: „горе тебѣ, братъ, что ты, имѣя добрую вѣру, сталъ уклоняться ея, ходишь къ иновѣрцамъ, которые не признаютъ четырехъ вселенскихъ соборовъ (1). Если придетъ къ тебѣ ангелъ, скажи ему, что іерусалимлянинъ, то есть православный христіанинъ хочу быть.“ Черезъ три недѣли дѣйствительно явился къ нему ангелъ и сказалъ: что, размыслилъ-ли о себѣ? Старецъ отвѣчалъ: „размыслилъ, хочу быть а іерусалимляниномъ.“ Тогда ангелъ сказалъ ему: „доброе дѣло; ты освободилъ теперь душу свою отъ мученія.“ Послѣ сихъ словъ старецъ предалъ душу свою Богу, умеръ, а ангелъ сталъ невидимъ (2).

И такъ, слышали вы, братія, что старецъ, будучи православнымъ христіаниномъ, за то, что по простотѣ своей ходилъ къ иновѣрцамъ слушать ихъ ученіе, едва не низринутъ было въ адъ на вѣчныя мученія. Вы—православные, у васъ есть святая православная церковь. Посему, прошу васъ, не удаляйтесь отъ нея, ходи въ нее, какъ можно, чаще слушать чтеніе и пѣніе, но не ѣздите къ старикамъ—раскольникамъ, не слушайте ихъ губительнаго ученія, безразсудныхъ толковъ. Вы въ церкви получите спасеніе души, но отъ толковъ раскольничьихъ—совершенно никакого, наживаете только пагубу душъ, да муку вѣчную въ гееннѣ. Аминь.

Священникъ *Николай Бурдуковъ*.

(1) Разумѣются армяне и копты, живущіе въ Египтѣ, послѣдователи евтихіанскаго ученія о соединеніи естествъ во І. Христѣ; они отдѣлились отъ правосл. церкви послѣ 4-го вселенск. собора, и отвергаютъ какъ сей, такъ и бывшіе послѣ него три вселенск. собора.

(2) Пролог. декабр. 5 дн.

ВДОВА СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

Рѣзкою переменою въ жизни каждой женщины отзывается вдовство. Оно какъ бы отторгаетъ цѣлую половину ея внутренней жизни, цѣлостной только въ соединеніи съ жизнью мужчины, лишаетъ ее нравственной опоры въ домашнемъ и общественномъ бытѣ, — крѣпости, стойкости, мужества, постоянства и хладнокровія, такъ необходимыхъ въ составѣ жизни полной и такъ чуждыхъ натурѣ женщины, мягкой, сердечной, не всегда устойчивой и легко уступающей и силѣ впечатлѣнія и влеченію обстоятельствъ. Если къ этому присоединяется недостатокъ матеріальныхъ средствъ къ жизни, если служба супруга была для нея единственнымъ источникомъ и внѣшняго довольства, — грусть сердечная охватываетъ всѣ силы ея, и переходитъ въ горе и бѣдствія. Это горе увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе развита вдова, чѣмъ менѣе она имѣетъ силъ и умѣнья въ удовлетвореніи чужихъ нуждъ находить средства для собственной безбѣдной жизни, чѣмъ болѣе предъидущая ея дѣятельность ограничена была домашнимъ кругомъ и чѣмъ болѣе наконецъ сама она и въ жизни и въ средствахъ къ оной зависѣла отъ положенія и значенія въ обществѣ ея супруга.

Горе этого послѣдняго рода всей тяжестью своею падаетъ на вдову сельскаго священника. Блиско наблюдающему быть этихъ женщинъ часто приходится быть свидѣтелемъ, какъ одно напоминаніе объ ихъ вдовствѣ, проникнутое чувствомъ искренняго участія, вызываетъ у нихъ слезы. Даже жены священниковъ, счастливыя своимъ супружествомъ, равно и лишенныя въ немъ счастья, тревожно переглядываются при этомъ напоминаніи, и съ грустною задумчивостію потупляютъ глаза: воображенію ихъ пред-

стаетъ горе во всей своей паготѣ и неумолимости; онѣ видятъ всегдѣшнее скитальчество по чужимъ домамъ съ малолѣтними дѣтьми, постоянную зависимость отъ чужихъ желаній, горькую жизнь изъ чужой милости; мысль ихъ не находитъ ни одного свѣтлаго уголка въ этой темной, тяжелой средѣ, не видитъ выхода изъ нея къ жизни самостоятельной, не лишенной средствъ къ содержанію, не даетъ отвѣта на вопросъ о причинахъ такой безвыходности, и не разъ преждевременно потоскуютъ онѣ о горѣ, которое можетъ обойти и постигнуть ихъ, помимо ихъ воли и мольбы. Дѣйствительно, въ многоскорбной жизни вдовы сельскаго священника трудно найти какую либо свѣтлую сторону. Посмотрите на это изнуренное, грустно-задумчивое лице вдовы, вникните въ эту упругую безнадѣжность, безотвѣтность ея предъ каждою потребностью жизни, недоувѣрчивость къ возможности лучшей для ней участи, въ эту непостижимую для нея самой любовь къ мыслямъ о своемъ сиротствѣ и горѣ, это какъ бы наслажденіе горемъ, и скажите, можетъ ли вдова другихъ сословіій быть жадче вдовы сельскаго священника? Безбѣдно провела она не долгій вѣкъ супружеской жизни, довольна была своими необильными средствами, своимъ положеніемъ, не завидовала женщинѣ свѣтской, не рвалась сердцемъ къ удовольствіямъ сей послѣдней. Но какъ будто и это ограниченное и спокойное самодовольство ея было преступленіемъ, какъ будто за это она лишилась своего скромнаго эдема, и должна лишь горевать о невозвратимой утратѣ его. Смерть супруга отняла у ней всѣ средства содержанія, лишила ее пріюта и того значенія, которое она имѣла при жизни супруга, и навсегда завѣщала ей только горькій чорнорабочій трудъ. Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, это горе? Отъ чего вдова сельскаго священника не

можетъ какъ нибудь устроить своей жизни, подобно вдовамъ другихъ сословій? Отъ чего ея личный постоянный трудъ не приноситъ ей довольства и спокойствія, а напротивъ еще больше увеличиваетъ ея горе, приводя ее къ большей и большей бѣдности? Отъ чего пугается она выхода изъ духовнаго сословія, которое такъ, повидимому, скупо въ отношеніи къ ней, и не прильнетъ хотя къ классу людей промышленныхъ, въ которомъ, при честномъ трудѣ, обеспечивается благосостояніе трудящагося?— Вопросы эти постоянно и смутно толпятся въ головѣ самой вдовы, но она безотвѣтна предъ ними. Ни въ кого не бросить она камень упрека, никого не признаетъ виною горя своего, не найдетъ и въ себѣ вины, при всемъ безпристрастіи напряженной совѣсти своей. Но отвѣтъ на эти вопросы непримѣтно сложился въ прежней ея жизни, кроется и во всей послѣдующей ея судьбѣ.

Тихо и скромно провела она годы своей молодости подъ кровомъ родительскаго дома. Дѣвичья жизнь ея не сказалась порывистыми стремленіями, несбыточными мечтами, безотчетною тоскою сердца,—она такъ довольна была и роднымъ кровомъ и родною деревнею! У колыбели ея стала старая няня—крестьянка, отдавшая послѣдніе дни горемычной своей жизни попеченіямъ о дѣтяхъ. Тихій, хриплый голосъ старушки разстилался надъ нею грустною мелодіей несвязныхъ словъ про горе и тоску жизни; святымъ крестомъ осѣняла и благословляла она свою питомицу при каждомъ ея засыпаніи и пробужденіи.—Дитя подрастаетъ; отецъ и мать постоянно въ заботахъ и трудахъ, и не имѣютъ времени заняться съ нимъ чѣмъ нибудь. „Да и чему учить его,“ разсуждаютъ они, „пускай подрастетъ“!.. И пока дитя подрастало, единственной наставницей его оставалась та же, только болѣе состарѣвшаяся и болѣе нуж-

дающаяся въ покой няня, дѣлвшая теперь время и на уканчиваніе новаго ребенка, и на охраненіе подроствавшаго. Сказки про вѣдьмъ, домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ теперь такъ же обязательно дѣйствовали на порывистыя желанія и любопытство питомицы, какъ прежде мелодическія пѣсни; дитя никуда не отходило отъ няньки, боялось любопытства, привыкло ни о чемъ не спрашивать, ничего не извѣдывать собственнымъ опытомъ. Въ храмѣ она привыкла класть поклоны, когда полагала ихъ няня и всѣ предстоящіе, взи-рала на службу отца своего въ приходѣ ея же глазами, ничѣмъ не возбуждалась и къ вопросу о значеніи и цѣли этой службы, о своемъ отношеніи къ ней; ко всей этой сферѣ она питала строгое благоговѣніе, наравнѣ со всѣмъ приходомъ. Отецъ, никогда не слыхавшій даже о существованіи училища для дѣвицъ духовнаго званія, въ простотѣ сердца и ума понимавшій духовную науку, какъ знаніе различныхъ формъ пастырскаго служенія, рѣшилъ, что женщина не призвана къ духовному образованію, какъ не при-звана и къ участію въ служеніи пастырскомъ. Свѣтскіе пансіоны... По какое соотвѣтствіе воспитанія, которое дается въ нихъ, съ потребностями семейства сельскаго священника! Какъ, казалось ему, враждебна эта пышная, формальная свѣтскость простотѣ и непосредственности деревенской жизни, особенно задачамъ пастырства! Онъ рѣшилъ, что его дочери, въ дальнѣйшей ея жизни, необходимо знаніе только грамоты, и самъ занялся обученіемъ своей дочери; но, постоянно отвлекаемый безконечною суетой хозяйственной и постоянными требами въ приходѣ, остановился на чтеніи молитвъ и акаѳистовъ, — тѣмъ и кончилось ея религіозное воспитаніе. — Мать, привыкшая все свое значеніе полагать единственно въ значеніи сво-его супруга, никогда не выходившая изъ круга потреб-

ностей, данныхъ священными обязанностями его, старалась передать дочери всю свою душу: она учила ее шить ей же самой необходимое бѣлье, садить огородъ, наблюдать за рабочими, стирать въ кухнѣ, однимъ словомъ: обрабатывать въ самыя простыя формы матеріалъ готовый, доставляемый службою супруга. И дочь вся предалась этой суетливой работѣ, не зная свободнаго дня и часа. О другихъ побужденіяхъ и желаніяхъ она и не гадала; источникъ труда внѣ предлежавшаго ей круга и матеріала, самостоятельная обработка сего послѣдняго, значеніе труда, отношеніе его къ общественнымъ нуждамъ, — все подобное не будило ея мысли. Видѣла она трудъ крестьянъ и людей свободныхъ сословій, слышала о занятіяхъ въ семействѣ помѣщика родной деревни; но ея трудъ тогда казался для нея не только достаточнымъ, но и какъ бы священнымъ; все, что лежало внѣ сферы ея жизни, требованія самой умѣренной свѣтскости, тонкости самой благоразумной спекуляціи, казались ей неприличнымъ духовному сословію. — Была она разъ или два въ томъ далекомъ городѣ, въ которомъ обучаются ея братья, ежегодно съ радостію возвращающіеся изъ него, и съ грустію снова отъѣзжающіе изъ родительскаго дома. Косо глядѣла она здѣсь на пестрыя страницы книгъ, вслушивалась въ непонятныя для нея слова и выраженія, вычитываемыя братьями, внимательно наблюдала механизмъ заучиванія уроковъ, и, припоминая грусть братьевъ при отъѣздѣ въ училище, благодарила Бога, что не родилась мужчиною. Все остальное въ этомъ городѣ, замѣченное ею на улицахъ и площадяхъ, отъ блестящей кареты до скрипучей телѣги, отъ великолѣпныхъ палатъ до мелочной лавочки въ грязномъ переулкѣ, отъ смѣлыхъ и веселыхъ лицъ свѣтскихъ щеголей въ изящныхъ костюмахъ до страдальческаго вида нищихъ,

сидящихъ на перекресткахъ и припадающихъ до земли предъ всякимъ прохожимъ,—все казалось ей какъ бы въ совершенномъ разладѣ съ святою простотою привычной ея жизни, давило ея чувство и мысль, и дома она не разъ твердила себѣ, что ни за что не промѣняла бы своей тихой жизни на эту вѣчную суету, на это напряженное, лихорадочное движеніе. Въ кругу даже самой посредственной свѣтскости деревенской она чувствовала себя не на мѣстѣ: молчала, скучала, краснѣла при самыхъ обыкновенныхъ движеніяхъ и вопросахъ, и спѣшила домой, сожалея объ утратѣ проведеннаго внѣ дома времени. Но и дома, въ праздники, она не находила для себя никакого занятія, скучала, или цѣлый день спала, вознаграждая себя за пожертвованія въ дни обычной работы.— Такимъ образомъ, незамѣтно для отца и матери, сложился и окрѣпъ въ ихъ дочери душевный организмъ, не отвѣчающій на всѣ потребности житейскія, способный существовать только въ той сферѣ, въ которой явился, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ сложился. Съ ужасомъ представляла она такіе случаи, которые могли бы вызвать ее изъ этой сферы, перенести ее въ другое сословіе, въ кругъ другихъ отношеній. Отецъ и мать говорили ей, что ея счастье только въ супружествѣ съ священникомъ, молили Бога даровать ей это счастье, грустно задумывались, если женихъ не являлся, обрекали дочь на гибель при мысли, что она и по смерти ихъ останется въ дѣвствѣ. Сама она была рѣшительно всемъ довольна, ничего не понимала въ тяжелой задумчивости отца, съ темною боязнію слушала вздохи матери, и продолжала изо дня въ день обычныя занятія, а между тѣмъ внутренно благоговѣла предъ каждымъ ученикомъ семинаріи, особенно окончившимъ курсъ, сама не понимая почему.

Но вотъ она — жена священника. Что же, внесеть ли она въ новое жилище свое инныя потребности, инныя формы жизни? Кончилось ли для нея это механическое движеніе въ нажитыхъ правилахъ труда, хозяйства, отношеній къ приходу, къ свѣту и проч? Но что можетъ здѣсь произвести въ ней такую рѣзкую перемѣну! Здѣсь такой же домъ, усадьба, нивы, такіе же прихожане, помѣщикъ, сосѣди, словомъ: все то же, что выросло ея въ благодатной сферѣ родительскаго крова. Мать часто навѣщаетъ молодую хозяйку, проводитъ у нея по два—три дня, утверждая ея въ тѣхъ же правилахъ труда, въ тѣхъ же формахъ сознанія, къ которымъ приучала ея изъ дѣтства, и какъ рада, какъ горячо поцѣлууетъ она свою дочь, когда увидитъ въ ея кухнѣ порядокъ, въ огородѣ обиліе, на столахъ бѣлая скатерти собственнаго произведенія! Только!... Для дочери это самыя возвышенныя минуты; о нихъ она мечтаетъ, къ нимъ направляетъ всю энергію и весь кругъ своего хозяйства, не отступитъ отъ идей матери ни на шагъ. Мужъ, вступившій на приходъ со всею пылкостью юноши, воспитавшагося въ отвлеченныхъ представленіяхъ науки пастырства, и сразу встрѣтившій для себя чернорабочій трудъ, погрузился въ безвыходную мелкую суету и недовѣдомо для себя самаго сталъ совершеннымъ сельскимъ хозяиномъ. Всѣ лучшія стремленія приносятся имъ въ жертву нуждѣ или выгодѣ житейской; правила науки, остающіяся безъ приложенія къ жизни, легко забываются; отрывочныя познанія быстро улетаютъ изъ памяти. Жена не возбудитъ его къ жизни самостоятельной; она пойдетъ въ упоръ какими нибудь новымъ стремленіямъ, нарушающимъ обычный ходъ ея жизни; она смотритъ на службу мужа глазами матери своей и считаетъ себя призванною только къ сбереженію и ушо-

требленію того, что доставляетъ ей служба мужа. И въ домѣ молодыхъ супруговъ вскорѣ тѣмъ же порядкомъ идетъ жизнь, какою шла она въ домѣ ихъ родителей; лишь механически усвоятся какія нибудь новыя мелочныя потребности и формы внѣшней жизни, касающіяся напр. убранства дома, одежды, стола и т. под.

Всякій разъ, какъ супругъ ляжетъ на день—другой въ постель, лихорадочная дрожь охватитъ супругу; послѣ обычныхъ знаковъ нѣжной заботливости и пособій домашней сельской медицины, она, въ сосѣдней комнатѣ, падетъ предъ иконою, долго и горячо молится. Бывало и въ обычное время, среди обычной работы, когда все въ домѣ здорово и весело, она вдругъ грустно задумывается, сама не зная отъ чего, предается тоскѣ, со слезами оставляетъ работу, и скорбными глазами вливается въ икону... Но вотъ тайна грусти ея сказалась всей своей дѣйствительностію: ея мужъ сошелъ въ могилу. И поникла она надъ могилою, въ которую опущенъ гробъ его.. Какъ будто каждая глыба земли падаетъ на ея сердце всей тяжестью своею, и глубже и глубже зарываетъ все ея счастье,— такъ она внутренно страдаетъ! Что же? Разлука ли съ избранникомъ сердца, другомъ и помощникомъ жизни такъ парализуетъ ее? Нѣтъ, гораздо болѣе; она лишилась *опоры* жизни, опоры самаго существованія своего. Въ тотъ день, какъ зарытъ гробъ ея мужа, отняты у ней всѣ источники содержанія; нивы, усадьба, домъ, каждый шагъ земли,— все, съ чѣмъ она связала свою жизнь, отнынѣ не принадлежитъ ей, скоро явится новый хозяинъ всего этого. Отецъ и мать пріютили бы ее, возвратили бы ей тихіе годы дѣвства, но они давно сошли въ могилу. Родные?.. Но у нея дѣти! Ни отецъ и мать, ни мужъ не могли пріобрѣсть для нея усадьбы и дома въ полную собствен-

ность (1). Все, что пугало ее доселѣ, въ чемъ не знаетъ она ни начала, ни конца, — жизнь внѣ сферы ея отца и мужа теперь остается для ней единственнымъ родомъ жизни. Въ подобномъ случаѣ женщина другихъ сословій скоро свыкается съ новымъ положеніемъ своимъ, посмотритъ вокругъ себя, пойметъ чужія нужды, и воспользуется ими для своего труда и довольства. Что же избереть для своего труда вдова сельского священника? Никто, конечно, и не предложитъ ей заняться воспитаніемъ чужихъ дѣтей, даже крестьянскихъ. Дѣло почти неслыханное на Руси, чтобы вдова сельского священника открыла пансіонъ, въ образованіи другихъ умѣла находить средства для своей матеріальной и нравственной жизни. Предложите ей переселиться въ торговое мѣсто, заняться промышленностію; даже болѣе: предложите ей планъ и средства къ этому, — она горько улыбнется вамъ въ отвѣтъ, промолвивъ: „не къ тому родилась!“ Для нея страшнѣе выходить изъ духовнаго сословія. Укажите ей на возможность прежнихъ занятій въ родной ея деревнѣ, по условію съ помѣщикомъ. „Нѣтъ,“ рѣшительно отвѣтитъ она, „не помѣ!“ Почему же? — Потому что и въ этомъ дѣлѣ есть новая для нея сторона: договоръ съ помѣщикомъ, уравненіе съ другими земледѣльцами, забота о самыхъ источникахъ содержанія, матеріальнѣ труда, о чемъ она и не думала никогда. Вся эта, теперь предстоящая ей сфера требуетъ полной самостоятельности, силы воли, служенія общественнымъ, часто мелкимъ, чисто матеріальнымъ нуждамъ, что называла она суетою, чего удалялась отъ колыбели. Предложите ей ничтожнѣйшее пособіе, въ 5 или

(1) Говоря это, разумѣемъ тѣ мѣстности, въ которыхъ существуютъ церковные дома, устрояемые на счетъ прихожанъ. Въ такихъ мѣстахъ жены священниковъ, равно и причетниковъ, по смерти своихъ мужей, остаются въ собственномъ смыслѣ безпріютными.

10 руб. въ годъ, дайте ей клочъ нивы въ нѣсколько шаговъ, только бы она чрезъ это снова привилась къ прежней сферѣ, и она съ радостію бросится на это пособіе, будетъ терпѣть горе и нужду, завидовать вдовѣ крестьянской или мѣщанской, сумѣвшей устроить свое довольство, но никогда не придетъ даже къ мысли о стремленіи къ лучшей участи, объ изысканіи новыхъ средствъ къ жизни.

Въ семействѣ ея, положимъ, есть дочь, близкая къ совершеннолѣтію; за сиротою, значить, можетъ быть предоставленъ приходъ. Это—самое высшее пособіе, какое только можетъ дать духовное правительство сиротамъ женскаго пола. Вдова съ своимъ семействомъ остается тогда въ томъ же домѣ, владѣетъ тою же усадьбою, нивами, получаетъ другіе доходы отъ прихода, какъ получалъ мужъ ея. Но и это желанное счастье не возвратитъ ей спокойствія, не облегчитъ тяжелой грусти ея, и, можетъ быть, только отдалитъ неизбежную участь, чтобы на старости лѣтъ ужаснѣе сказалась ей вся горечь обмана.

Ей нужно однакожъ ѣхать или итти въ дальній путь, въ тотъ городъ, въ которомъ когда—то все казалось ей такъ загадочнымъ, такъ жаднымъ въ своей безконечно—разнообразной дѣятельности. Далеко и навсегда уже запрятала она всякое порядочное платье свое: „дѣтямъ будетъ,“—говоритъ въ ней сердце. Весь костюмъ ея, поникшая голова, болѣзненный видъ показываютъ какъ съ давнее или расчитанное горе. Но она чиста душою, не знаетъ притворства или расчета на чужую чувствительность; она сродняется съ своимъ горемъ, хочетъ, чтобы ярче выступилъ въ глазахъ ея этотъ единственный спутникъ ея жизни. „И вдова, сирота“,—сказала бы она въ отвѣтъ на замѣчаніе о возможности болѣе приличнаго для нея наряда. Въ первый разъ предстанетъ она предъ архи—

ереемъ, консисторією, чиновниками... Какъ говорить съ ними? Какъ стоять, смотрѣть, кланяться?— Подобные вопросы, какъ страшные призраки, не покидаютъ ея воображенія, не покоряются мыслию, и то дрожь, то вздохи и слезы вызываютъ въ ней. Знакомый семинаристъ, или консисторскій чиновникъ *сочинитъ* ей прошеніе. Вотъ она въ приѣзной архіерейской или консисторской; на ней старое ситцевое черное платье собственной работы, голова повязана чернымъ бумажнымъ платкомъ, въ обѣихъ рукахъ прошеніе, обернутое старымъ носовымъ платочкомъ; она вся—мертвенное молчаніе, вѣчное ожиданіе, вѣчный вопросъ: „къ тому ли я родилась? Мое ли дѣло ходить сюда, хлопотать? Наказаль Господь!..“ Она не объяснитъ самыхъ простыхъ обстоятельствъ, которыя необходимо знать начальству для соображеній при дѣлѣ: „я, несчастная, осталась съ малыми сиротами... Прошу милости...“ говорить она на разныя недоумѣнія и вопросы. Страдальческій видъ, нѣзкѣ поклоны и слезы дополняютъ и объясняютъ остальное. Обычный ходъ дѣла, требующій времени, каждое испытаніе ея напряженныхъ, нетерпѣливыхъ ожиданій—кажутся ей равнодушіемъ къ ея горю, злоупотребленіемъ ея беззащитностью.

Такъ или иначе достигла она наконецъ цѣли своего путешествія. Безъ торжества, безъ самодовольства возвращается она съ желаннымъ рѣшеніемъ. Она сдѣлала шагъ къ тяжелой и не сродной ей обязанности, — отвѣтственности за приходъ. Она должна прежде всего приискать приходъ и содержать викарнаго священника. Обыкновенно это бываетъ заштатный священникъ, 60-ти и болѣе лѣтъ. Глаза его мало видать, ноги не служатъ; онъ отслужилъ міру свою службу и ввѣрилъ остатокъ дней своихъ попеченіямъ своихъ дѣтей, спокойно ожидая кончины. Какъ за поло-

винную часть жалованья (гдѣ оно положено), или за ничтожную плату вызвать его въ чужую семью, замѣнить ему дѣтей, воскресить охоту и силы къ дѣлу, которое онъ сложилъ съ себя, какъ тяжелое бремя? Естественно вдова много представитъ самыхъ трогательныхъ картинъ нужды, много прольетъ слезъ, наскажетъ много обѣщаній, пока наконецъ упрошенъ будетъ хилый старикъ и поселится среди новой семьи. Не подъ силу и не по вкусу старику начинать вновь службу: нужно провожать покойника, а тутъ слякоть, вьюга; настанетъ пора покоя, а тутъ въ полночь спѣшно зовутъ къ больному; ослабѣютъ силы, а тутъ новыя требы, — тамъ отчетность по приходу, постоянное письмоводство. . . Недостатки въ удовлетвореніи прихотливымъ нуждамъ и болѣзнямъ старости исторгаютъ у вдовы частыя слезы, — все въ домѣ ея дышетъ грустью, вялостію, задумчивостію. Полгода, много годъ наживетъ викарный и возвращается къ желанному покою. Снова поиски за викарнымъ и снова та же исторія. Прихожане съ каждою требою идутъ за 5—10 верстъ, требуютъ священника мѣстнаго; причтъ забываетъ свои обязанности, церковь требуетъ починки. . . . Можетъ ли уладить все это вдова, взиравшая на обязанности своего мужа взглядомъ обыкновенной прихожанки, совершенно чуждая не только науки пастырства, но и вообще образованія? А чего стоитъ ей управленіе домою, сборъ хлѣба, обработка нивъ и т. под? Супругъ улаживалъ всѣ трудности хозяйства наиболѣе своимъ значеніемъ въ приходѣ, внушавшимъ прихожанамъ обязательность помощи, сочувствіе. Вдова далека отъ этого значенія, не имѣетъ нравственной силы, привлекающей къ себѣ чужой трудъ.

Но вотъ дочь ея — невѣста. Она воспитана и одѣта *сиротою*. Ея видъ дышетъ черною работою. Едва ли она

умѣть даже читать и писать. Всѣ ея чувства и завѣтныя стремленія воспитаны на мысли о скорѣйшемъ замужствѣ, какъ единственномъ средствѣ къ облегченію участи цѣлаго семейства. Ей оканчивается 16-й годъ; добрые сосѣди и знакомые ищутъ жениха. Обыкновенно это бываетъ или сирота, не имѣющій пріюта по окончаніи курса и поспѣшающій прекратить тѣсноту долгой нужды, или выпущенный изъ семинаріи съ весьма посредственнымъ аттестатомъ и хватающійся за всякій случай — добыть себѣ приходъ. Почти всегда первое же посѣщеніе такого жениха оканчивается сговоромъ. Невѣста не слыхала еще отъ своего жениха завѣтнаго слова, не испытала никакой расположенности къ нему, даже говорила съ нимъ мало, и то о предметахъ совершенно чуждыхъ прямому ихъ интересу, а уже все готовится къ ихъ свадьбѣ. Свобода, самостоятельность, голосъ сердца, сродство душъ — какъ будто не для сиротъ. Противорѣчіе, при подобныхъ условіяхъ сговора могущее повториться нѣсколько разъ, набросило бы на сироту невыгодную тѣнь, повело бы, пожалуй, и къ потерѣ прихода, и мать со слезами стала бы умолять дочь — забыть интересы сердца, если бы та указала ей на чарующую силу этихъ влеченій. Большею частію невѣста такая и подъ вѣнцею не знаетъ ни одной наклонности, ни одной черты характера своего жениха.

Боязливо ведетъ себя новобрачная. Суетливо бѣгаетъ мать, занятая пріемомъ многочисленныхъ гостей. Въ промежуткахъ этой суеты, она сядетъ въ углу, вопьется глазами то въ зятя, то въ дочь, глядитъ на нихъ долго и смутно, часто вздыхаетъ, грустно задумывается. И такъ всѣ томительные дни и часы со дня смерти мужа посвящены ею на устроеніе участи только одной дочери. Домъ, усадьба, нивы, — все, что готово было уйти отъ нея со смертію

мужа, теперь поступает во владѣніе зятя. А другія дочери? А малютки сыновья? А она сама? . . . Она вся— боязливое наблюдѣніе, она силится уловить какую нибудь черту въ характерѣ зятя, подмѣтитъ его наклонности, разгадать въ нихъ свое спокойствіе или еще большее горе. Она будетъ угождать этимъ наклонностямъ, охранять и его и дочь отъ мелкихъ заботъ въ хозяйствѣ; будетъ послушна ему, какъ была послушна своему супругу; другихъ дѣтей своихъ научить уважать его, какъ отца. . . . Ей многое не нужно, дѣти привыкли уже къ нуждѣ. За то какъ будетъ она поражена, если надежды эти обманутъ ее! Это послѣднія надежды ея, послѣдняя и потеря, послѣ которой не ожить уже душевному ея покою. Часто случается, что въ такую семью съ такими же ожиданіями входятъ мать, или сестры, или братья самаго зятя, и вотъ на первый же разъ семья молодаго человѣка простирается до 6-ти и болѣе человѣкъ. Ахъ, невыразимо грустно смотрѣть на эту семью, когда вдругъ, при самомъ началѣ оживающаго счастья ея, раждающагося покоя, опора и хранитель ея сходитъ въ могилу! . . .

Для нашей вдовы въ скудныхъ запасахъ духовнаго правительства еще есть средства помочь ея горю,—средства, которымъ со всею рѣшимостію предается каждая вдова, не рассчитывающая на приходъ для дѣтей, но ихъ малолѣтству. Эти средства суть: 1) казенное содержаніе для дѣтей мужескаго пола въ училищахъ и 2) просфирническое мѣсто (гдѣ такіа мѣста положены по штату), или пособіе изъ епархіальнаго попечительства. Скудны средства нашихъ епархіальныхъ попечительствъ. Горестна участь того, кто отъ нихъ только ожидалъ бы поддержанія. Раскройте книги какого угодно епархіальнаго попечительства, — можетъ ли быть пансіонъ ничтожнѣе пансіона вдовъ ду-

ховнаго званія? „Вдова № получила 10 руб. серебромъ.“ „Вдова № получила 7 руб. сер.“ А есть вдовы, получающія по 5 руб. серебр. въ годъ, итого менше. Однакоже вдова, не занявшая просфирническаго мѣста, изовсѣхъ силъ будетъ добиваться и 5 руб., разочтеть ихъ на цѣлый годъ, и искренно будетъ благодарить начальство и за эту милость.

И вотъ начинается она эту горемычную жизнь, полную самыхъ трагическихъ явленій. Все хозяйство ея ограничивается одною сырою, тусклою комнаткою въ крестьянской избѣ, гдѣ все таки главный хозяинъ крестьянинъ, косо глядящій на новыхъ сосѣдей неодинаковаго характера съ нимъ, принятыхъ по приказанію помѣщика. Сама себѣ и дѣтямъ хозяйка и работница. Мужъ не могъ въ короткое служеніе свое оставить ей что нибудь, въ обезпеченіе по крайней мѣрѣ первыхъ лѣтъ сиротства. Скоро отъ прежняго хозяйства и движимаго имущества остаются только клоки да щепки. Всапка поля, засѣвъ, свозъ собраннаго ею же хлѣба, молотье зерна, починка амбарной посуды и под.,—все происходитъ мѣною личнаго труда ея, и она вся въ чужой, большею частію крестьянской работѣ: тому пошьетъ или починитъ бѣлье или одежду, тому пособитъ огородъ засадить, у того присмотритъ за домомъ и дѣтьми, пока онъ вернется изъ гостей и проч. Только въ семействѣ священника она *отведетъ душу*, когда новая *матушка* пригласитъ ее раздѣлить съ нею привычную ей работу. Разговоръ кружится на обычной мысли ея. Въ этомъ домѣ и дворѣ каждый шагъ запечатлѣнъ прежнею жизнію ея. Здѣсь она молилась, тамъ въ первый разъ учила молиться сына, здѣсь стоялъ шкафъ съ платьемъ и посудою, а это окно плохо притворялось и сквозило на люльку, тутъ какъ будто было просторнѣе, а тамъ тѣснѣе, у этого окна въ

большой комнатѣ всегда стоялъ большой столъ, накрытый бѣлою скатертью..... Потомъ на этомъ самомъ столѣ, среди этой самой комнаты двѣ ночи лежалъ покойникъ..... Слезы найдутъ сочувствіе здѣсь въ молодой женщинѣ, мысленно и себя поставляющей въ такое же положеніе, и какъ будто умоютъ и оживятъ душу вдовы. Видъ этого значенія она самое безынтересное лице въ деревнѣ; никто не вспомнитъ о ней ни въ радости, ни въ горѣ, ни кто не обратится къ ней за совѣтомъ, никто не уважитъ бы ея мнѣнія, какъ никто и не посягнетъ на ея скудное благосостояніе.

У нея есть сынъ; онъ подростъ, и надо опредѣлить его въ училище. Кто хотѣлъ бы въ одномъ моментѣ увидѣть всю бѣдность вдовы, когда она опредѣляетъ сына въ училище, тому стоитъ посмотрѣть ее въ правленіи духовныхъ семинарій, въ послѣднихъ числахъ августа, когда происходитъ здѣсь пріемъ учениковъ. Мать, пропуская сына впередъ, пятитъ его въ присутствіе; малютка упирается, пугливо поварачивается назадъ, дрожитъ. Мать осиливаетъ и вталкиваетъ сына въ присутствіе. Онъ кладетъ почти земные поклоны предъ всѣми, бросается цѣловать руки присутствующимъ, даже секретарю и письмоводителямъ, — горькое уваженіе пугливой бѣдности! Хотятъ попытать, приготовленъ ли онъ въ училище, — онъ не понимаетъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, боязливо пучитъ глаза на присутствующихъ. Мать извиняется, что не могла ничему научить его, постоянно занятая то дома, то въ полѣ, то у чужихъ людей работою. „Онъ читать почти не умѣетъ“, — говорятъ ей. Каково переносить бѣдной матери такое сопоставленіе требованій долга и плодовъ бѣдности!.. Она говоритъ правду: „я и сама мало училась грамотѣ, да и некогда мнѣ, а нанимать дьячка дорого, рубль серебр. за граматку, 2 рубля за часословъ и псалтирь, да рубль за письмо“.... Какими слезами залъется она, когда начальство

скажетъ ей взять сына домой еще на годъ и приучить его къ грамотѣ! „Онъ забудетъ и то, что умѣеть...“,— отвѣтитъ мать и скажетъ иногда горькую правду.

Но такъ или иначе сынъ ея принятъ наконецъ въ училище и помѣщенъ въ казенномъ корпусѣ. Мать любопытствуетъ все видѣть здѣсь своими глазами. Найдется знакомый ей давній бурсакъ, угоститъ ее на кухнѣ щами, доставитъ ей подушку для ночлега, подъ стѣнами казеннаго зданія. Днемъ она почти неразлучна съ сыномъ, сидитъ молча на его постели, всматриваясь въ полъ, окна, двери, стѣны, въ веселыя лица бурсачковъ. Машинально нѣсколько разъ она ощупаетъ подушку, тюфякъ, даже ножки и перила желѣзной кровати, долго смотритъ въ книжку, ничего не умѣя разобрать въ ней, прислушивается къ чтенію, къ разказу объ учителяхъ, начальникахъ, о порядкѣ школьномъ, соображаетъ безконечный курсъ ученія сына и томленія своего. Сидитъ такъ день, другой, третій. Все, что есть для ней въ мірѣ самаго нѣжнаго и драгоцѣннаго, все приковано къ этой уютной кроваткѣ, на которой сидитъ она „Пора,“ скажетъ она сквозь слезы и глубоко вздохнувъ. Сынъ провожаетъ ее по ступенькамъ, по улицѣ, утирая слезы. Сердце матери съ нимъ, но она не умѣетъ высказать ему своихъ чувствъ; бессознательное, часто повторяемое: „учись“,— вотъ единственное наставленіе ея сыну!— Кончилась мѣта провѣденія; она дала ему гривну, перекрестила, сквозь жгучія слезы проговорила еще разъ: „учись,“ и, опираясь на палку, пошла мимо громадныхъ и низенькихъ домовъ, летучихъ экипажей, блаженныхъ щеголей, ничего не замѣчая и давъ волю слезамъ, пока не пахнетъ ей въ лице деревенскій воздухъ. Оборотилась къ городу, помолилась на золотыя головы церковей, еще разъ въ душѣ благословила сына, утерла слезы и пошла по окраинѣ столбовой дороги.

На пути и дома сынъ не выходитъ изъ ея мыслей;

на яву и во снѣ она какъ бы видитъ его предъ собою; на молитвѣ и за горькою работой она вспомнить объ немъ неразъ, благословить его еще и еще, и подавить горе неясными надеждами, да жгучими слезами. Всѣ ея мысли устремлены теперь въ далекую будущность, вся она отдалась томительному ожиданію, золотой конецъ котораго привидится ей развѣ во снѣ, когда послушное воображеніе сократитъ для нея годы въ дни и часы, возвратитъ ее въ прежнее ея жилище и представитъ ей сына малютку возросшимъ, женатымъ и въ санѣ священномъ молящимся о ней у престола Господня. Сонная рука ея сотворитъ тогда крестъ, радостная улыбка пробѣжитъ по лицу... Но заря откроетъ обманъ, и тѣмъ ярче выступятъ предъ нею ея дѣйствительное горе и тяжкія скорби жизни сиротской.

Чтоже съ сыномъ ея?—Чутка натура у новаго бурсачка; онъ сразу угадаетъ новую сферу, быстро свыкнется съ нею. Непостижима наука его въ побѣдахъ надъ собою, въ его веселіи и рѣзвости при самыхъ трудныхъ задачахъ бѣдности. Годъ прожилъ онъ припѣваючи. Конченъ экзаменъ Онъ шьетъ котомку изъ старой рубахи, вложитъ туда весь свой туалетъ, даже сапоги, перевяжетъ на крестъ на груди и—какъ радъ, какъ прыгаетъ онъ, когда городъ миновался, зазелѣнѣютъ поля, покажется мужикъ на распашку! Это его родина, это его жизнь, которая пополамъ съ матерью вскормила его. Часто встрѣтишь по дорогѣ цѣлую вереницу такихъ пилигриммовъ, руководимыхъ только собственнымъ инстинктомъ, подкрѣпляемыхъ только тоненькими палками, да порціями хлѣба взятаго въ казенной столовой. Ночлегъ подъ избою у мужика, въ корчмѣ у порога куда какъ приятель! Что же мать? Слезами проводила она его въ училище, слезами и встрѣчаетъ Нѣжность ея не знаетъ границъ. Весь день

она не отпускаетъ отъ себя сына: то умоетъ, то причешетъ его, то застегнетъ рубаху, то присмотрится къ лицу и поведетъ рукою, какъ бы замѣтивъ царапину или пятно,—лишь бы сынъ не выходилъ изъ рукъ ея. Спросить о начальникахъ, о подушкѣ и кровати, о товарищахъ и поварѣ, угостившемъ ее щами:—для ея сердца торжественный праздникъ! Нѣтъ ей пужды, чему сынъ учился, что приобрѣлъ; все одно—она ничего не понимаетъ въ этомъ. Прошелъ мѣсяць, исходить другой, приближается день разлуки,—мальчикъ съ каждымъ часомъ становится грустнѣе и грустнѣе. Мать и не спрашиваетъ о причинахъ грусти, ея сердце гораздо болѣе сжимается..... Просить ли сосѣдняго священника, отправляющаго дѣтей своихъ въ училище, взять и сына ея, или же не отягощать его просьбою о незаслуженной милости?.. Котомка готова, сама она не связана многосложнымъ хозяйствомъ... И снова столбовая дорога, снова горькій путь.....

Чтоже съ дѣтьми женскаго пола?—Онѣ растутъ подъ кровомъ матери, чернорабочей, грустной, суетливой, ждущей зрѣлости дѣтей для облегченія труда своего. Босикомъ бѣгаютъ онѣ круглый день подлѣ нея на нивѣ, или на огородѣ, когда сама она спѣшно дѣйствуетъ серпомъ или заступомъ, часто посматривая на солнце; въ другое время она оставитъ ихъ въ кучѣ дѣтей сосѣдки крестьянки, пока сама возвратится съ нивы, обѣщая отплатить ей такую же услугою, если нужда вызоветъ ее изъ дому на цѣлый день. Ихъ понятія слагались въ этомъ кругѣ, ихъ желанія и расположенія выражали духъ матери. Это крестьянскія дѣвицы, чернорабочія, простые, съ отбѣнкомъ тихой грусти, смягчившей ихъ характеръ, и съ сознаниемъ, что онѣ -- дочери священника (важное титуло въ деревнѣ). „Что было бы съ ними, если-

бы я слегла въ могилу?“ — не разъ, глядя на нихъ, тревожно спрашиваетъ себя мать, среди напряженныхъ заботъ о нихъ. И въ отвѣтъ только взглянетъ на икону и глубоко вздохнетъ. Не такъ пугалась она, когда видѣла бездѣтную вдову священника въ качествѣ кухарки или работницы въ самомъ посредственномъ домѣ, какъ— когда видѣла въ такой же службѣ молодую сироту— дочь священника! Но надъ ея дочерьми еще сжалилась судьба; онѣ приглянулись отставному честному солдату, или невыскательному однодворцу, иногда пономарю или дьячку.

Проходятъ годы; дочери пристроены, сама она старѣется... Сынъ ея поступилъ въ высшее отдѣленіе семинаріи и чрезъ два года будетъ священникомъ. Читатель! простимъ такую вдову, если случайно испытанъ отъ нея дикое чванство, безпричинную гордость и под. Она наконецъ дождалась, чего лѣтъ 20 ждала, она выстрадала себѣ сына *богослова*! Долго копила она по рублю, по два ограничивая себя и дочерей. Теперь достала она это кровное богатство, вручила ихъ сыну, представляя ему все право на нихъ, свободно и весело вздохнула. Кончены долгія страданія, безвыходная запуганность, частыя слезы. Она будетъ жить въ домѣ своего сына, восхищаться его женою, которая, какъ ангелъ Божій, будетъ бдѣть надъ нею и упокоитъ ее отъ долгихъ и горькихъ трудовъ. Она приголубитъ внуковъ своихъ, расскажетъ имъ про котомку отца ихъ, отъ всей души перекреститъ ихъ и залетѣетъ уже сладкими слезами, когда они въ первый разъ будутъ ѣхать въ училище..... Но увы! и эти законныя восторженныя ожиданія, и эти близкія, по видимому, и непреложныя надежды на покой и свободу дѣшевную оказываются по большей части горькими иллюзіями. Неопытность молодыхъ хозяевъ, многосложность хозяйственныхъ занятій поставляютъ ее въ то суетливое положе-

нѣ, въ какомъ она находилась до смерти своего супруга, а новыя потребности и формы жизни, частію же самый возрастъ вдовы, не сочувствующій развлеченіямъ молодости, полагають раздѣленіе между ею и дѣтьми и отдаляютъ ее на послѣдній планъ даже въ домашней жизни, завѣщая ей далеко не полную свободу у колыбели внучатъ, на кухнѣ и въ огородѣ. Если вамъ случится быть въ такомъ домѣ въ качествѣ почтеннаго гостя, вы встрѣтите всегда только веселыя лица неразлучныхъ съ вами молодыхъ хозяевъ; но въ машинальномъ движеніи слуги, и справно подающаго вамъ чай или кушанье, вы ощутите въ домѣ присутствіе другаго лица, которое за одною или двумя стѣнками управляетъ каждымъ шагомъ слуги, суетится для васъ и какъ бы въ награду за трудъ свой полюбопытствуетъ иной разъ осторожно взглянуть на васъ въ щелочку. Если бы вамъ случилось вовлечь ее въ общую бесѣду, вы встрѣтили бы отъ нея только низкій поклонъ, машинальный взглядъ и мертвенное молчаніе.— Годы уходятъ, силы слабѣютъ, а хозяйство болѣе расширяется, суета домашняя увеличивается. Весь знакомый ей чернорабочій трудъ въ домѣ — въ ея непосредственномъ призрѣніи. Тощая, сгорбленная, 45-ти лѣтняя старуха, съ блѣднымъ морщиноватымъ лицомъ, съ безжизненными блуждающими глазами, съ засученными рукавами, суетится она по комнатамъ, ходитъ изъ угла въ уголъ, тамъ сдуетъ пыль со стола или сотретъ ее посинѣлою костлявою рукою, тамъ приберетъ кучу бумажекъ и тряпокъ, брошенныхъ внуками, припрячетъ брошенное въ безпорядкѣ платье, взобьетъ подушку, или сложитъ развернутую книгу; возьметъ на руки плачущаго внука и съ нимъ заглянетъ въ печь, дастъ приказъ слугѣ, пройдетъ по двору, сопровождая всѣ свои занятія утѣшеніями маленькому капризнаку, или просто безцѣль и плана дѣйствуетъ по комнатамъ и двору, заглядываетъ во всѣ углы, безъ нужды переставитъ стулъ съ одного мѣ-

ста на другое, протретъ совершенно чистое стекло въ окнѣ, отворить шкафъ и затворить, ничего не увидѣвъ въ немъ, сядетъ, вздохнетъ, пристально посмотритъ на полъ, или стулья и столъ, и снова движется, снова суетится по комнатѣ... Вотъ она, среди полуденной сельской тишины, сидитъ предъ люлькою, убаюкивая внучка. Тихій голосъ ея прерывается, глаза неопредѣленно блуждаютъ, въ слабomъ воображеніи поднимается давно прошедшее... Она качала своего сына—первенца, свою надежду, пророчила ему золотую будущность и въ немъ тихій, всегдашній покой своей старости... . Передъ нею мужъ ея—даетъ послѣднее благословеніе дѣтямъ; грустный взглядъ его замираетъ на ней... Въ глазахъ ея могла мужа, ей слышится первый гулъ глыбы, брошенной на новый гробъ... Она снова начинаетъ хриплую ноту и снова голосъ ея замираетъ... Вотъ тусклая комната въ крестьянской избѣ, столбовая дорога, бурса, вотъ сынъ, босичкомъ, съ котомкою на плечахъ, съ палкою въ рукахъ, весело вбѣгаетъ въ комнату, она бросается къ нему съ распростертыми объятіями, долго осыпаетъ его поцѣлуями и слезами... Гдѣ жъ надежды, гдѣ покой?... И ни слезы, ни вздоха, ни боли сердечной не покажетъ она. Все улеглось и замерло въ глубинѣ души ея, ничто не взволнуетъ ее,—какъ будто всѣ струны лопнули въ этомъ пѣкогда годномъ инструментѣ, и никакой артистъ не исторгнетъ изъ него ни одного стройнаго звука. И такъ изо-дня въ день, изъ года въ годъ переходитъ она, не зная и не ожидая для себя ничего поваго въ жизни, кромѣ какого нибудь ситцеваго платья, которое чрезъ 5—6 лѣтъ подаритъ ей сынъ или невѣстка, и которое она всякій разъ считаетъ послѣднею для себя обновкою, приборомъ къ смерти. Ея жизнь кончена,—никакихъ стреленій и желаній, кромѣ горячей молитвы къ Богу о счастіи и довольствѣ ея сына.

ИЗВѢСТІЕ.

Васильковскаго уѣзда, мѣстечка Бѣлой церкви священникъ Петръ Лебединцевъ, за открытіе въ томъ же мѣстечкѣ трехъ школъ, и обученіе въ нихъ до 100 дѣтей крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ избранными имъ учителями, подѣ непосредственнымъ его Лебединцева руководствомъ, получилъ въ маѣ мѣсяцѣ сего года отъ его сіятельства г. кievскаго военнаго, подольскаго и волыцкаго генералъ губернатора князя Васильчикова изъ Высочайше предоставленн ѣ ему суммы для наградъ служащимъ въ краѣ особенно отличающимся полезною дѣятельностію, сто рублей серебромъ, въ выраженіе признательности къ его особенному усердію и полезной дѣятельности какъ по заведенію школъ въ м. Бѣлой церкви для обученія крестьянскихъ дѣтей, такъ и за способствованіе начальству въ 1855 году къ вразумленію волновавшихся крестьянъ и пресѣченію безпокойствъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ 1860 г. Мая 24 дня Ценсоръ,
Священникъ А Колосовъ.